

Дом
на Птичьем
острове

ТАША МУЛЯР

Наперегонки с ветром

книга вторая

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М90

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
IAK Vector Illustrations, Plam Petrov, Viktoriia_M, t.karnash /
Shutterstock / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
Виктории Давлетбаевой

Редакция благодарит *Ирину Рекунову*
за фото автора на обложку

Муляр, Таша.

М90 Дом на Птичьем острове. Книга вторая. Наперегонки с ветром /
Таша Муляр. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Жизнь без дуб-
лей. Просто о непростом с Ташей Муляр).

ISBN 978-5-04-205940-7

Когда Василиса сбегала из родной Должской — станицы на берегу Азовского моря, — ей лишь хотелось оторваться от этого привычного места и оказаться в совершенно другом мире, где она сможет сама принимать решения и, расправив крылья, смело лететь навстречу судьбе. А еще наконец отпустить чувства к тому, кого больше нет. За десять лет, которые прошли с того дня, как она рассталась с домом и семьей, девушке пришлось многое пережить, и все эти перемены сделали другой и ее саму. Вот только в глубине души все это кажется самой Василисе далеко не сказкой, и ее сердце постоянно разъедают сомнения и воспоминания... «Наперегонки с ветром» — вторая часть тетралогии «Дом на Птичьем острове» популярного блогера и писателя Таши Муляр, в которой нашей героине придется столкнуться с еще более сложными жизненными дилеммами, но, несмотря на испытания, вновь обрести надежду на счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таша Муляр, текст, 2025
© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-205940-7

Оглавление

Глава 1. Другая	9
Глава 2. Сильный пол	43
Глава 3. Крылья	129
Глава 4. Ветер	169
Глава 5. Сын	207
Глава 6. Мама	255
Глава 7. Свое гнездо	307
Глава 8. Свобода	353
Глава 9. Он	379
Глава 10. Небо	419

Отчего люди не летают так, как птицы?

А. Н. Островский

1

Г л а в а

Другая

Опять весна, и опять она не смогла вырваться в станицу. Уже третий год не может приехать именно весной. Так жаль!

Снова пропустила разлив тюльпанового моря, буйство нарциссов, бело-розовые перины цветущих абрикосов. Не помогла маме белить деревья. Ну что же! Может, летом удастся вырваться, хоть накупается вдоволь.

А тут — все те же ручьи, с трудом пробирающиеся через каменные преграды тротуаров, ищут выход к реке, которая ох как далеко! Птицы горланят, ошалев от тепла и предчувствия лета, деревья стоят красуются, накинув тонкую мантию светло-зеленой дымки.

Хотя в Москве нужно еще умудриться разглядеть приметы весны. Никому до нее и дела нет. Все бегут, спешат, поглядывая на часы или в телефоны, радуясь тому, что конец света, как прогнозировали в 2000 году, не наступил, а вот весна пришла по расписанию. Кто из них ждал ее — эту самую весну?

Тем временем город стремительно преображается, и если зазеваться, то можно выйти как-нибудь из дома в пальто, а там уже лето. Да! Так все внезапно меняется. Прохожие путаются, кто-то одет еще по-зимнему: вяза-

ная шапка, темная куртка и сапоги по колено, а кто-то, напротив, торопится, так стремится к лету, что уж и босоножки надел, и шорты с футболкой. Так забавно за этим наблюдать!

Василиса шла по Тверской в прекрасном настроении. Новенькие туфельки как раз под весну купила и так ждала, когда можно будет в них гордо вышагивать походкой от бедра, цокая каблучками, неся себя, словно паву, напоказ всему городу. А что! Пусть любуются! Есть чем!

Все подобрано в тон — недаром она модница с детства. Только раньше воплощать свои идеи и фантазии было особо не из чего да и не на что, а сейчас, когда деньги появились — не зря же она столько работает, да и ассортимент есть в магазинах, не во всех, конечно, но она-то уже все изучила за шесть лет в столице, — можно творить и фантазировать, украшать себя и быть не такой, как все, что ее и привлекает. Темно-синий плащ с тонкой белоснежной бейкой — отделкой по краю отложного воротника и на хлястиках манжет — был куплен еще осенью прошлого года, а потом к нему чудесным образом подобрался костюм. Юбка-карандаш, приталенный жакет, выгодно подчеркивающий тонкую талию и аппетитные холмы груди — и в кого у нее неожиданно такая грудь выросла? Тот редкий случай, когда она была совершенно довольна своей фигурой.

За прошедшие почти десять лет ее самостоятельной жизни чего только с ней не происходило. Сбежав из станицы, Василиса год жила в Краснодаре, снимая у бабки угол в покосившейся избе на окраине города.

Такая счастливая была тогда после двух ночей на автовокзале под присмотром местного сторожа — ворчливого старика с добрым сердцем. Вначале он ее выгнать хотел, когда понял, что она никуда не едет и ночевать здесь собирается. Присматривался к ней долго, потом подошел, а она выглядела такой несчастной... Смелость, с которой приехала сюда, да и решительность тоже — от неустроенности и непонимания, куда идти, — прошли, улетучились, осталась одна упертость. Он ей тогда: «Милая, что ж ты тут ночью делать-то собираешься? Закрываю я, до утра перерыв, ты бы шла, а то мне от начальства нагоняй будет. Да и не дело такой молодой девке на вокзале ночевать. Ты ж приличная, вижу я, у меня глаз наметан», — он присел с ней рядом на деревянную лавку с рояльными ножками, метлу свою лохматую рядом примостил, сигаретку достал.

Она вначале молчала, а потом встала, подхватила свою спортивную сумку и ринулась было к выходу. Вещей-то у нее: кеды, тренировочные брюки, да Пашины письма — ее ценность, мало ли что они с ними удумают сделать! А еще: халатик любимый, пара футболок, да один свитер, — знала ли, что в нем и будет ходить всю осень? Не во что складывать было больше: чемодана у нее не было, а у родителей брать... А тащить как его? Разве с чемоданом сбегают из дома?

Перед автобусом к Элле зашла, все равно сердце было не на месте — как своим-то сообщить? Знала ведь, что переживать будут, кинутся искать, а так Эля им скажет, а Василиса уже далеко будет.

Элла, конечно, удивилась столь раннему визиту: автобус ведь в семь утра уходил. Василиса ей сказала, что уезжает, что родителям говорить об этом не хочет, не хочет вообще с ними разговаривать, точнее, смо-

треть им в глаза не может, сил нет совсем. Про то, что детей у нее не будет... Нет, не смогла сказать даже Элле, слишком свежо еще было, слишком больно. А еще перед выходом из дома Василиса заглянула к Ритусе. Такая она была сладкая, сонная, что-то смешно бормотала, волосы по подушке разметались, розовая пятка из-под одеяла выпросталась. Василиса только в щелочку хотела на прощание на нее посмотреть, да не удержалась — зашла и наклонилась поцеловать, а та неожиданно вскрикнула во сне и глаза от страха открыла, увидела сестру, склонившуюся над кроватью, ручки потянула, за шею схватила и говорит: «Ой, тухли у меня, маме не скажешь?» Василиса одеяло откинула, а там и правда опять мамини туфли.

— Не тухли, а туфли, — поправила она совсем тихонько сонную сестру, вспоминая, как еще пару лет назад она так же вытаскивала туфли у нее из-под одеяла, а Рита смешно коверкала слова... Сейчас она уже подросла, а со сна ведет себя как маленькая.

Василиса аккуратно вытащила туфли, поставила их у кровати на половик, сестричку одеялом накрыла и по голове погладила. И так сердце защемило от ее тепла и молочно-детского запаха, что не сдержалась: так пронзительно жаль стало и себя, и ее, что безысходность липким туманом заполонила всю комнату.

— Ты спи, спи, малыш, — потерла защипавшие от слез глаза, пряча взгляд от сестры. — Рано еще, спи.

Тихонько вышла из комнаты, подхватила сумку и не оборачиваясь шмыгнула прочь из дома, опасаясь встретиться с матерью, которая встает очень рано. Воспоминания о моменте ее отъезда из станицы то и дело всплывали в памяти.

Тот же сторож с автовокзала и пристроил ее к бабе Нюре на постой за символическую плату. Он как-то сам, по-стариковски понял про нее все, не стал ничего спрашивать — просто на вторую ночь, опять заметив ее с сумкой и пирожком на лавке, подошел и молча протянул записку с адресом, коряво написанным простым карандашом на развернутой пачке папирос.

— На-кось, да не пугайся ты, вот, держи, туда иди, скажи, что от Петра с автостанции, Нюрка-то поймет. Да бери-бери, не бойся, я ж вижу, что тебе некуда идти-то.

Так она тогда у бабы Нюры и оказалась. Платила за свой угол сущие копейки, хотя и тех у нее поначалу не было. Да, угол, по-другому это и не назовешь — комната метров восемь квадратных, облезлая кровать с провалившимся пружинным матрасом, уныло стоящая в углу и поскрипывающая от каждого шага по деревянному, давно прогнившему полу, который сильно провалился в углу у окна. Повсюду была промозглая сырость, несмотря на конец лета. Противно пахло плесенью и отсутствием жизни. Выцветшие обои в когда-то синий цветочек висели многослойными лоскутами, услужливо демонстрируя всю многоликую историю этой дыры. На входную дверь были прибиты алюминиевые крючки для одежды с висевшими на них чьими-то забытыми ветхими тряпками.

Окно низехонько, почти у самой земли: просел угол дома с этой стороны, да и сам дом сто лет как врос в землю. Стоял он на перекрестке двух улиц. Под окнами — ямина огромная сразу около светофора; как дождь пройдет, вся вода от проходящих машин — ве-